

Л.С. Окунева¹
L.S. Okuneva

БЫЛ ЛИ ФАШИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ?

О НЕКОТОРЫХ МАЛОИССЛЕДОВАННЫХ И СПОР-
НЫХ ГРАНЯХ
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ 1930-1940-Х ГГ.

WAS THERE FASCISM IN LATIN AMERICA?

ON SOME CONTROVERSIAL FACETS OF THE LATIN
AMERICAN HISTORY OF THE 1930-1940-IES

Аннотация: В статье дана характеристика международного исследовательского проекта «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность», ч. I и II; «Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность», ч. III. Особое внимание уделено анализу постановки вопроса в латиноамериканской историографии о возможности/невозможности выделять латиноамериканские разновидности фашизма (на примере Бразилии и Мексики).

Ключевые слова: Латинская Америка, Бразилия, Мексика, фашизм, правый радикализм, Варгас, интегрализм, Кар-

¹ Людмила Семеновна Окунева – доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН. (Liudmila Okuneva – Dr. In history, profesor of the MGIMO, investigator of the Institute of Latin America RAS)

денас.

Abstract: The article deals with the description of the international research project “Fascism and Right-Wing Radicalism in Europe and America: Past and Present”, Pts. I-II; “Fascism and Right-Wing Radicalism in the West and in the East: Past and Present”, Pt. III. Particular attention is paid to analysis of the positions of the Latin American historiography about the possibility/impossibility to distinguish Latin American varieties of fascism (Brazil and Mexico case studies).

Keywords: Latin America, Brazil, Mexico, fascism, right-wing radicalism, Vargas, integralism, Cárdenas.

ЧТО ЭТО ЗА ПРОЕКТ?

Хотелось бы привлечь внимание историков-латиноамериканистов к появившемуся в недавнее время интересному и необычному изданию, которое, по мере своего «проникновения» в ряды специалистов, может стать событием, обогащающим отечественную историческую науку. Речь идет о международном исследовательском проекте «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность» и «Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность». Статьи, составляющие его суть, были опубликованы в трех выпусках московско-воронежского журнала «Берегиня. 777. Сова» в 2014-2016 гг.²

Организаторы издания во главе с руководителем редколлегии, крупнейшим российским исследователем данной тематики А.А. Галкиным, сумели соединить на страницах проекта наиболее крупных российских и зарубежных ученых – историков, специалистов по широкому спектру вопросов, связанных с изучением как истории фашизма и правого радикализма в различных странах, так

² Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Части I-II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014, №4 (23); 2015, № 3(26); Часть III. Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность. Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016, №4(31).

и современного состояния этой проблематики. Даже одни только «количественные данные» говорят о многом. В общей сложности удалось привлечь 15 российских ученых и 64 иностранных исследователя из 17 стран. Над переводом трудились 11 переводчиков, некоторые из них, будучи специалистами по соответствующим странам, стали и авторами ряда статей. В публикации представлены 12 статей по общим, основополагающим проблемам фашизма и правого радикализма, а также рассмотрена данная проблематика на материале 33 стран, в том числе двух регионов (Восточная Европа и Латинская Америка). Основные «болевы точки» многочисленных дискуссий, идущих в современной историографии фашизма, обрисованы во Введении и Заключение, в основополагающей статье А.А.Галкина, в историографических обзорах А.А.Богдашкина, Л.С.Окуневой, Е.Д.Строгановой.

В силу этого не будет преувеличением сказать, что представленный вниманию специалистов исследовательский проект и по географическому охвату, и по широте рассматриваемой проблематики, является подлинной *энциклопедией* фашизма и правого радикализма – как концептуальных основ этих феноменов, так и политических практик режимов данной направленности в соответствующих странах и регионах. Издание подобного рода предпринято в России впервые, и в этом смысле его публикация представляется чрезвычайно полезной: в данном проекте собрались не только отечественные историки, политологи, специалисты по данной проблематике, представившие свои разработки, но и ведущие зарубежные авторы; в силу этого издание позволяет обогатить наши знания, знакомит специалистов и всех интересующихся данной проблематикой с новейшей зарубежной историографией – ее новыми подходами, течениями, направлениями и идеями.

Неоспорима, как представляется, научная и политическая своевременность данного проекта. Конечно, всем нам хотелось бы обсуждать предлагаемую тематику в чисто историческом ключе – как явление, давно отошедшее в прошлое. Но, к сожалению, проблематика фашизма не только не принадлежит прошлым временам, но и обладает острой актуальностью. Нет необходимости перечислять все те феномены, которые способствуют реанимации фашизма и которые формируются на наших глазах, – феномены, связанные с переформатированием международных отношений и тех традиционных форматов, которые сложились за последние де-

сятилетия. Но об одной из причин «второго пришествия» фашизма (в виде неофашизма, в виде печально знакомых лозунгов и призывов, в виде поднимающих голову правых) хотелось бы сказать подробнее. Речь идет об охватившем мир системном и многостороннем кризисе, грозящем ревизией или даже распадом основополагающих основ современной цивилизации.

Современный мир переживает критическую фазу своей истории: на наших глазах многочисленные и множасьщиеся локальные конфликты перерастают в крупномасштабные войны, миграционные волны грозят переформатировать политический ландшафт и «цивилизационное лицо» Европы. Налицо кризис всего и вся: экономики, политики, международных отношений, сложившегося мироустройства, ценностей, культуры. На мировой арене наблюдается явно нарастающее поправение политической жизни, прежде всего в плане роста и увеличения влияния правых партий в Европе, усиления правого популизма. Подобного рода состояние всеобъемлющего кризиса таит в себе немалую опасность: ведь именно обстановка всеобщего кризиса, перелома, слома прежних и пока не просматривающихся ростков новых социальных и политических установлений, отсутствие ясного видения путей выхода из сложившейся ситуации, сил, способных приблизить этот выход, – именно эти феномены, как хорошо известно из истории фашизма и как четко показано в статьях проекта, и являются питательной средой для возрождения «фантомов прошлого», казалось бы, похороненных самой историей.

В начале января 2016 г. мюнхенский Институт современной истории, который занимается изучением нацизма, выпустил – в связи с истечением в 2015 г. 70-летнего срока действия авторских прав, принадлежавших правительству Баварии после смерти Гитлера, – первое в Германии со времен окончания Второй мировой войны издание «Майн кампф». И хотя оно снабжено многотысячными научными комментариями, призванными развенчать расистскую и нацистскую идеологию, сам факт его публикации вызывает немалую и весьма оправданную тревогу и озабоченность возможными объективными последствиями «вброса» этого, пусть и научно «препарированного», «произведения» в сотрясаемую под наплывом мигрантов Европу, в порожденную этим наплывом атмосферу возрождения ксенофобии, неонацизма и правого радикализма. Стало известно о готовящихся переводах этой книги на англий-

ский и французский языки, а также о переиздании этой книги в Турции еще в 2005 г. Подобные попытки предложить миру «перечитывание пройденного» далеко не случайны. Более того, оно может пасть на весьма благоприятную для этого политическую и идеологическую почву.

Таковы лишь некоторые обстоятельства явной актуальности и необходимости нового осмысления старых проблем. И в этом смысле проект также имеет большое научное значение. Его ценность заключается, на наш взгляд, в том числе и в том, что опубликованные в его рамках статьи не дают готовых и окончательных ответов на сложнейшие вопросы, а побуждают ко многим размышлениям и концептуальным поискам, способствуют научным дискуссиям.

Можно ли говорить о латиноамериканских разновидностях фашизма?

Еще один из важных в научном, да и политическом отношении вопросов, на котором заострено внимание в работах российских и зарубежных авторов, – различия между фашизмом и другими правыми движениями, а также различия между многообразными типами/видами самого фашизма. Особенно выпукло этот водораздел показан в статьях нашего проекта, посвященных Восточной Европе и Латинской Америке. Здесь в 1930-е–1940-е годы не было режимов, которые напрямую «дублировали» бы «классические» образцы в виде итальянского фашизма или германского нацизма. Будучи по своей природе правоавторитарными диктатурами, они были «прото»- или «квази»- фашистскими, тяготели – в большей или меньшей степени – к воспроизведению символики, фразеологии, других внешних атрибутов фашизма, симпатизировали ему, могли даже (как в случае Варгаса в Бразилии) строить по «образу и подобию» фашизма свой репрессивный или пропагандистский аппарат, но не превращались в фашистов, как указывает известный бразильский историк и политолог Жоау Фабиу Бертона, лишь только по *этой* причине³, не были наполнены четко выраженным фа-

³ Бертона Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке: сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв.

шистским содержанием.

Обратимся к латиноамериканскому случаю, подробно рассмотренному Бертоной. Он справедливо указывает, что «сам термин «фашистский» стал очень широким и нечетким – до такой степени, что им можно окрестить почти все». А в случае Латинской Америки его употребление стало неоправданно расширительным, когда в него подчас включают «и различные военные режимы 1960-1970-х гг., и перонизм в Аргентине, и режим Варгаса в Бразилии, и перуанскую АПРА, и многое другое. Это не только было бы ошибочно с точки зрения терминологии, но и сделало бы любой сравнительный анализ неправомочным и, в конечном счёте, невозможным». Поэтому более правомерно, говоря о собственно фашизме, рассматривать именно межвоенный период, поскольку «в послевоенный период правые, фашистские движения (и далеко не только в Латинской Америке) оказались вынуждены во многом модифицироваться, став неофашизмом, или *постфашизмом*»⁴.

Бертонья предлагает интересный подход к теоретическому обоснованию самого понятия «фашизм». Традиционно фашизм определяли как консервативное (в целях борьбы с прогрессом в лице социалистической революции) или реакционное движение (при этом «реакционный» понимался как синоним консерватизма). Важной чертой фашизма является воспевание традиций и национальных корней: ностальгию по прошлому испытывали все разновидности фашизма, воспевавшие «великую славу прошедших веков» и выступавшие против либерализма и его следствия в виде «аморальной городской жизни, потери гордости за свою расу». Но на деле фашизм использовал «традицию» иначе: для определения границ «своих» и «чужих», для мобилизации масс во имя воплощения модерности как политического проекта, но не для призывов к возврату в прошлое. Вместо этого он «предлагает революцию, “движение вперед” к такому обществу, в котором важные для правых ценности были бы сохранены и даже приумножены, и были бы в еще большей степени привязаны к модерности и особенно к новому современному массовому обществу. Т.е. фашизм выступает не как исключительно реакционный или исключительно кон-

ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 212-213.

⁴ Там же. С. 211.

сервативный, а как связанный с обеими этими характеристиками и идеологическим родством, и политическим сосуществованием. Особенно это проявилось в эпоху крупных социально-политических выступлений межвоенного периода»⁵.

Таким образом, налицо крайняя сложность и даже запутанность связей между различными праворадикальными группировками и движениями, которые могли заимствовать друг у друга различные концепции или элементы идеологии, но при этом не становиться «чисто фашистскими». «Иногда солидарность перед лицом общего врага становилась выше имевшихся различий, а в других случаях, наоборот, соперничество в борьбе за власть разводило прежних союзников по разные стороны. В этом смысле хорошим примером служит случай Испании: это были одновременно и близость, и расхождения. Таким образом, данный вариант не является исключительно латиноамериканским, но он во многом объясняет содержание политической борьбы именно в Латинской Америке в тот период»⁶.

Во всех странах Латинской Америки были слышны отголоски европейского фашизма, который получил особые каналы для своего распространения в лице крупных общин немецких, итальянских, португальских и испанских иммигрантов, связанных с фашистскими партиями стран их происхождения. «Этому процессу способствовали и культурные и языковые связи прежде всего со странами Пиренейского полуострова, с Францией и Италией; данная культурно-лингвистическая близость создавала ситуацию, при которой на латиноамериканский континент идеи фашизма проникали легче, чем, например, на Ближний Восток или в Китай»⁷. В латиноамериканских странах активно распространялись итальянские фашистские организации, «заграничные отделения НСДАП» (особенно на юге Бразилии и в регионе Ла-Платы, но и в целом по континенту), через печатные издания и информацию усиливалась пропаганда, нарастали стремления склонить на свою сторону иммигрантские общины, установить связи с местными фашистскими группировками; шла и финансовая помощь. Активную пропаганду, основанную на идеалах испанизма и идеях союза испаноязычных

⁵ Там же. С. 211-212.

⁶ Там же. С. 213.

⁷ Там же. С. 223.

народов, вела испанская Фаланга; активно действовала обращённая к огромной португальской общине Бразилии пропаганда салазаровской Португалии. «Одновременно с этим большинству латиноамериканских фашистских движений не нравились обостренный германский расизм и агрессивный империализм»⁸.

Но главная причина известного отторжения фашистской идеологии (при всех имевшихся симпатиях) заключалась в разном понимании такого ключевого для фашизма концепта, как национализм. Для пояснения этого вопроса необходимо сделать отступление.

В латиноамериканском политическом дискурсе под «национализмом» понимается идеология либо политический курс, направленный на достижение общенациональных целей, на реализацию центральных задач национального развития. Такое значение это понятие получило в силу особенностей исторического развития латиноамериканских стран, которые, освободившись от колониальной зависимости и став самостоятельными государствами в первой трети XIX в., на рубеже XIX-XX вв. попали в сильную экономическую зависимость от иностранного (конкретно – британского, а затем американского) капитала и на протяжении почти целого столетия развивались по модели так называемого «зависимого капитализма». Появившиеся в 1930-е гг. националистические, а на этой базе в 1950-е–1960-е гг. – национал-реформистские модели развития были призваны обосновать возможность противостояния внешним влияниям и были направлены на выработку собственного национального проекта. Термины «национализм» или «националистический» в данном контексте не являлись синонимами шовинизма, характерного для германского нацизма расизма и идей превосходства одной нации над другой. Национализм в его латиноамериканском прочтении не имел и не имеет ничего общего с политикой межнациональной розни, в целом с проблемами межнациональных отношений.

Другое дело – противоречивые последствия противостояния местной буржуазии и иностранного капитала – ее главного врага того времени. Стремление складывавшейся в 1930-е–1940-е гг. латиноамериканской национальной буржуазии воспротивиться проникновению британского, а затем и американского капитала, вы-

⁸ Там же. С. 213-215.

рабатовывавшиеся ею национализм реформистской ориентации и антиимпериализм парадоксальным образом могли сочетаться с профашистскими настроениями, когда в нацистской Германии она подчас усматривала «противовес империализму США и Великобритании», а в фашистской идеологии видела «сплачивающее нацию начало в борьбе с западным империализмом и раскалывающим нацию классовым антагонизмом»⁹. Вместе с тем Бертона справедливо указывает, что латиноамериканские страны «лишь в отдельных случаях нацистскую гегемонию предпочитали американской»¹⁰.

Бертоня формулирует важнейшее, на наш взгляд, положение, задающее определенный угол зрения, оптику, с позиций которой следует рассматривать политические аспекты межвоенного периода в Латинской Америке: на континенте в 1930-е гг. имел место «*период диктатур*», режимов «*жесткой руки*», но не эпоха фашизма, как в Европе (курсив наш. – Л.О.). Латиноамериканская политическая панорама того периода была весьма пестрой, и диапазон режимов различных оттенков и политических ориентаций был достаточно широк. В наименее развитых странах континента (Центральная Америка, карибские страны, Боливия, Венесуэла) господствовали традиционалистские диктатуры олигархического толка либо обычные военные диктатуры (и даже их открыто террористический характер или симпатии к Муссолини не делали их автоматически фашистскими). В Уругвае, Аргентине (до Перона), Перу у власти находились разномастные диктаторы, опиравшиеся на местные элиты и на армию, но не собиравшиеся делить власть с правыми радикалами. В Колумбии, Коста-Рике вообще не было диктатур – там правили демократические режимы (хотя и при сильном влиянии армии). Латиноамериканские политические элиты не собирались уступать власть «радикальным правым или каким-то иным альтернативным группам, которые, впрочем, не сумели захватить власть даже в тех странах, где у них имелись обширная опора в народных слоях и политическое представительство. Тем самым выбор в пользу фашизма так и остался «в резер-

⁹ Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 2008. С. 116.

¹⁰ Бертона Ж.Ф. Указ. соч. С. 213.

ве» и не пригодился ни в одной стране»¹¹.

Важным моментом, объясняющим слабость латиноамериканского фашизма, является, по Бертонье, и то, что здесь не было такого сугубо европейского феномена, как «ветераны Первой мировой войны», а мировой экономической кризис 1929 г. ударил по странам континента с меньшей силой, чем по Европе. Затрудняли распространение фашистских идей на континенте и такие аспекты его идеологии, как расизм и антисемитизм: ведь латиноамериканское общество носит метисный характер, в нем мало евреев. Это, в частности, также объясняет тот факт, почему нацистский вариант фашизма был гораздо менее популярен в Латинской Америке, чем итальянский, испанский или португальский¹².

Бертонья дает интересный ретроспективный обзор латиноамериканского «политического пейзажа» того времени. Так, диктаторы, подобные Трухильо в Доминиканской Республике, клан Дювалье на Гаити, Сомоса в Никарагуа или Батиста на Кубе, могли создавать кровавые режимы, восхищаться Муссолини, Франко, но все это еще не делало их фашистами и не превращало их в безусловных союзников фашизма. А генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес в Сальвадоре (1931-1944 гг.), хотя и симпатизировал странам «оси», но под давлением США присоединился к антигитлеровской коалиции и прекратил деятельность немецких и итальянских организаций. Весьма немногочисленными были фашистские организации в Венесуэле и Эквадоре, слабы они были в Боливии; в Колумбии фашистское движение возникло на базе Консервативной партии, симпатизировало, помимо Гитлера и Муссолини, идеологу французского праворадикального профашистского движения «Аксьон франсез» Ш.Моррасу, испанской Фаланге, но затем ушло в недра консерваторов. Небольшие фашистские группировки имелись в Перу (два их главных идеолога – Хосе Рива Агерро и Рауль Ферреро Рибальяти); в Мексике синархизм был скорее формой католической реакции, а не фашизмом. Если же говорить о численности всех этих движений, то она не превышала нескольких сотен членов¹³.

Если же обратиться к ситуации в странах Южного конуса, то

¹¹ Там же. С. 219.

¹² Там же. С. 219.

¹³ Там же. С. 215-216.

она была особой. В Уругвае и Парагвае имелись ограниченные отголоски итальянского и немецкого фашизма. Чилийское «Национал-социалистическое движение» было более активным, приобретя «определенное политическое представительство в обществе» (хотя и не смогло установить связи с другими праворадикальными группировками), но и здесь «они не сумели завоевать власть, а после предпринятой ими попытки государственного переворота в 1938 г. партия была официально запрещена»¹⁴.

На этом фоне ближе всего к итало-германской модели фашизма подошли режимы наиболее развитых латиноамериканских стран – Х.Д. Перона в Аргентине и Ж. Варгаса в Бразилии.

Аргентина, по мысли Бертоњи, являет собой яркий пример не собственно фашизма, а как раз *размытости* границы между фашизмом и авторитаризмом. Сильные профашистские симпатии Перона, убежище, которое нашли именно в Аргентине многие нацистские военные преступники, – все это создало обманчивое впечатление «фашистского характера» перонистского правления. Однако для того чтобы «дотянуть» до фашизма, Перону «не хватало основополагающего идеала, традиционных для правых ценностей и использования партии для мобилизации народных масс во имя идеологии, а не как обычного подручного инструмента лидера». Аргентинские военные, церковь, олигархия находились «под сильнейшим влиянием фашизма», однако «сами фашистские движения были относительно немногочисленными». А местные «националистические лиги», испытывавшие симпатии к французской, итальянской или самой германской разновидностям фашизма, были в большей степени движениями реакционными или праворадикальными, чем фашистскими». Самогó Перона «можно классифицировать *скорее как популиста, чем как фашиста*, хотя по этому вопросу продолжают идти острые споры»¹⁵ (курсив наш. – Л.О.).

И все же случай Аргентины не столь однозначен. Как видно даже из приведенного выше перечисления различных факторов, он полон всяческих полутонов, многочисленных «за» и «против» существования здесь фашизма. Бертонья подчеркивает, что, «хотя в Аргентине в те годы организованного фашизма не было, представ-

¹⁴ Там же. С. 216.

¹⁵ Там же. С. 216-217.

ляется, что здесь культура фашизма была значительно более популярной и распространённой, чем в других странах. Фашистский идеал, быть может, не институционализировался здесь в весомых фашистских партиях и движениях, но он был распространён среди других правых группировок и в обществе в целом»; «его влияние могло быть рассеянным, не прямым, но по-своему значимым» (хотя и недостаточным «для определения Аргентины как фашистской страны в полном смысле слова») ¹⁶.

Но ближе всего к «организованному», по выражению Бертонья, типу фашизма подошла Бразилия. На этом вопросе мы остановимся особо.

А что же было в Бразилии?

Бразилия, вне всякого сомнения, представляет собой уникальный (даже на фоне необычности всей Латинской Америки) случай переплетения полутонов, всевозможных *pro* и *contra*, переходных типов и вариаций. Здесь, как ни в каком другом случае, более чем уместны выражения типа «с одной стороны...», «с другой стороны...». Здесь нет ничего однозначного и определенного, и вместе с тем отделить «зерна от плевел» вполне возможно. Тем и интересен анализ «бразильского случая».

Бертонья вполне правомерно, на наш взгляд, определяет «Новое государство» Ж.Варгаса (1937-1945 гг.) не как фашистское, а как консервативную диктатуру с модернизационной проекцией ¹⁷. Вместе с тем он указывает на острые споры в бразильской историографии по этим вопросам. И главное: говоря о наличии либо отсутствии здесь фашизма, первым делом обращаются не к фактору симпатий тогдашней бразильской политической элиты к Гитлеру, Муссолини или Салазару (они, несомненно, были, но здесь Бразилия не привносит ничего нового по сравнению с общелатиноамериканской картиной), а к характеру и *типажу* партии (или движения) «Бразильское интегралистское действие» (БИД).

Преобладающая точка зрения среди бразильских историков, пишет Бертонья, – характеристика БИД как «фашистского», как «крупнейшей внеевропейской фашистской партии»; это и является

¹⁶ Там же. С. 217.

¹⁷ Там же. С. 217.

их главным аргументом «в пользу утверждения о близости Бразилии к фашизму»¹⁸.

На чем же основаны подобные оценки? И был ли фашистским, задается вопросом Бертона, сам режим Варгаса? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть БИД – партию, созданную Плиниу Салгаду в 1932 г., как уникальное для Латинской Америки политическое образование и идеологическое течение, несомненно, выходящее за рамки имеющихся «образцов», о чем свидетельствовали его общие характеристики, а также идеология, социальная база, международные связи.

Интегрализм, как и подобные ему течения и движения, имел связи и с нацизмом, и – в большей степени – с итальянским фашизмом, и с фашистскими и правыми движениями Португалии (лузитанский интегрализм), и с французской «Action Française», испытывая их идеологическое влияние, но по целому ряду бразильских проблем (республика или монархия, консервативный католицизм или его отрицание) их позиции не совпадали¹⁹. Однако главное состояло в том, что «БИД ни в коей мере не был ни подражанием им, ни “продуктом импорта”». Массовую базу БИД составляли как выходцы из семей иммигрантов, так и часть городского среднего класса, интеллектуалов, а также определенная часть рабочих и негров; их число приближалось к сотням тысяч²⁰.

Помимо этого, БИД был близок к завоеванию власти в Бразилии: он участвовал в государственном перевороте Варгаса, приведшем к образованию в 1937 г. «Нового государства». И хотя эта попытка оказалась неудачной – впоследствии движение было исключено из состава правящего блока, а после предпринятой им в 1938 г. попытки государственного переворота было официально запрещено Варгасом, при этом лидер движения Плиниу Салгаду был отправлен в изгнание в Португалию; после 1945 г. его последователи перегруппировали свои силы, но уже не играли никакой

¹⁸ Там же. С. 217.

¹⁹ Там же. С. 217. См. также: Бертона Ж.Ф. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. (Редкол.: А.А. Галкин (отв. ред.), А.А. Богданкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др.) / Бергения. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 247.

²⁰ Бертона Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке... С. 217; его же. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке. С. 247.

значительной роли²¹, – сам факт стремления «прорваться к власти» был весьма показательным и свидетельствовал об определенной силе движения.

Каковы же были концептуальные основы БИД, все же позволяющие отнести его к фашистским организациям? На эти вопросы отвечает в своей статье другой бразильский автор проекта – Маркус Сезар ди Фрейтас.

С одной стороны, отмечает он, это были неизбежные в тот период заимствования из общей платформы европейского фашизма – превознесение силы, расовые предрассудки, преклонение перед военной дисциплиной, установление абсолютного политического контроля над обществом со стороны единственной партии путем создания сложных бюрократических структур и самое главное – авторитет и культ «верховного лидера». Ввиду подобного пристрастия к иерархии интегрализм, подобно всем фашистским партиям, создал вокруг себя многочисленные формирования резервистов и ополченцев, у некоторых из которых была даже собственная военная форма. Как и подобные течения во многих других странах, интегрализм был массовым движением. Поэтому и в Бразилии были разработаны стратегии и символика народной мобилизации. Для обращения к массам использовались различные пропагандистские ресурсы, которые делали упор на роли каждого отдельного человека в создании сильного государства²². «Интегрализм воспроизводил на бразильской почве представления о необходимости сильного государства и борьбы с “врагами нации”. “Вождь”, “великий лидер” бросал в толпу идеи о том, что нацию разрушает как либеральный индивидуализм, так и вызванное социальными кризисами распространение среди трудящихся идей социализма; таким образом, либералы и коммунисты рассматривались как два “врага государства”». Но вождь нации действовал не сам по себе: он воплощал в себе Государство, символизировавшее, в свою очередь, всеобщую волю. Отсюда любое решение вождя подлежало

²¹ Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке... С. 217.

²² Фрейтас М.С. ди. Правая рука ребенка и тело нации: идеи евгеники и фашистская культура в Бразилии (1932-1938 гг.) // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А. Галкин (отв. ред.), А.А. Богдашкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Бергиния. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 229.

не осмыслению, а немедленному исполнению: это была “реализация общих устремлений нации”, а отказ от подчинения означал немедленное превращение во «врага нации и государства»²³.

Подобно многим другим формам фашизма, считает Фрейтас, интегрализм не отрицал свойственный капитализму социально-экономический уклад, но одновременно парадоксальным образом позиционировал себя как антикапиталистическую силу. Политическая платформа интегралистов – и в этом просматривались подспудные ссылки на режим Муссолини в Италии – восхваляла высокую мораль бедняков и критиковала расточительную аморальность богачей²⁴.

И даже к центральному для «классического фашизма» понятию национализма интегрализм подошел ближе, чем остальные его разновидности. «Национальная реконструкция» в понимании интегралистов «зиждилась на мифической идее унификации, апелляции к сглаживанию различий между разными интересами, приведению их к единому общему знаменателю; они встали в неприкрытую оппозицию к идее классовой борьбы. Нация в их понимании представляла в качестве некоей сущности, возвышающейся над частными интересами и не допускающей даже мысли о существовании социальных классов. Речь можно было вести только о существовании “тела нации”». Нация представляла как символ того, чего жаждали фашистские государства: всеохватное, тотальное государство, где все было бы унифицировано и развивалось бы в едином направлении. Таким образом, они стремились именно к созданию тоталитарного государства, в котором господствовал бы абсолютному контролю над личностью, при этом людей убеждали, что они должны почувствовать себя составной частью общей для всех властной силы, защищать общее дело, противостоять общим врагам»²⁵.

Как и многие иные виды фашизма, бразильский фашизм отстаивал принцип профессиональных корпораций – основы корпоративного государства, в котором трудящиеся были бы организованы в соответствии со своей профессией, что, по мысли интегралистов, должно было бы избавить общество от классовой борьбы, т.к.

²³ Там же. С. 229.

²⁴ Там же. С. 229.

²⁵ Там же. С. 229.

каждая социальная группа будет заботиться исключительно о собственных интересах. Помимо этого, корпоративизм облегчал контроль над людьми, обеспечивал внутреннее сплочение нации с целью противостояния внешним врагам, а уровень политизации рабочих организаций при этом серьезно снижался, т.к. каждая социальная группа требовала удовлетворения только тех интересов, которые относились к ее сфере деятельности. Политическая деятельность перестала быть борьбой за интересы всего народа, политика мыслилась теперь лишь как механизм регулирования вопросов оплаты труда²⁶.

Таким образом, полагает Фрейтас, в Бразилии 1930-х гг. циркулировал тот же набор концепций, который был распространен практически во всех праворадикальных и фашистских движениях того периода²⁷.

И вместе с тем необходимо помнить о важнейшем положении: были или нет *национальные корни* у фашизма в Бразилии, не оставался ли он привнесённой и чуждой национальной специфике теорией? Фрейтас абсолютно верно, как нам представляется, отвечает на это вопрос: «процессы циркуляции и укоренения фашистских идей в Бразилии все же следует анализировать, отталкиваясь от собственных противоречий самого бразильского общества». «Необходимо подчеркнуть со всей определенностью», – продолжает он, – «что даже в случае, если фашизм заимствует некоторые свои черты откуда-то извне, главную роль в формировании “лица” каждого фашистского движения играет та форма, посредством которой каждое общество усваивает, приветствует либо отбрасывает определенные идеи, предписания и модели развития. Иными словами, правый радикализм в Бразилии может быть в полной мере осмыслен лишь в том случае, если уяснены противоречия бразильского общества. Появление фашизма в Бразилии не стало результатом простого распространения подобной идеологии в мире»²⁸.

Поэтому для понимания особенностей бразильского фашизма необходимо применить оборот «с другой стороны».

Действительно, *с другой стороны*, «в Бразилии фашистские концепции подверглись известному переформулированию», по-

²⁶ Там же. С. 230.

²⁷ Там же. С. 230.

²⁸ Там же. С. 228.

этому необходимо разъяснить «особенности бразильского процесса фашизации», а это, в свою очередь, позволит понять и место этих идей в рамках режима Варгаса, уяснить, почему в недрах этого режима «стало возможным и даже престижным отстаивать фашистское видение решения национальных проблем»²⁹.

«Бразильский фашизм, который в некоторых регионах страны приобрел явные черты нацизма, обладал присущей ему *спецификой*. Это означало, что, в известном смысле, у него оказалось *собственное лицо: собственные противники и собственные политические постулаты* (курсив наш. – Л.О.), посредством которых он и пытался реагировать на вызовы внутривластной борьбы, связанные с модернизацией преимущественно аграрной страны»³⁰.

В 1920-е гг. бразильское общество вступило в полосу крупных катаклизмов, вытекавших из нерешенных экономических, социальных и политических проблем. Оно «достаточно бурно отреагировало на возможность быстрого восхождения бедных социальных слоев и на вероятность слома ими системы привилегий, до того считавшихся неприкосновенными». «В обществе набирали силу дискуссии и формировались движения, которые были призваны положить конец данной ситуации. Интегрализм возник как одно из течений, которые отстаивали идею обновления Бразилии на основе собственных концепций. В то же время возникновение данного течения, как и появление на политической арене его главных лидеров, явилось по сути продолжением основных черт той системы власти, которая была основана на господстве сельских олигархий»³¹.

Итак, снова интегрализм. Выше речь шла о его близости к разным вариантам европейского фашизма. Теперь рассмотрим те его грани, которые доказывают, что именно в нем, по Фрейтасу и Бертонье, с наибольшей силой воплотился «национальный» бразильский фашизм³².

Прежде всего снова отметим обстоятельства его «происхождения» – ситуацию кризиса: это был не европейский кризис, во многом связанный с итогами Первой мировой войны, а собственно

²⁹ Там же. С. 230.

³⁰ Там же. С. 228.

³¹ Там же. С. 228, 230.

³² Там же. С. 228.

бразильский, проистекавший из подтачивания экономических и как следствие – политических основ «олигархической республики», из «отсутствия разделения между государственными и частными интересами»³³.

Наряду с общим кризисом имелось еще и такое явление, как т.н. модернность (или «современность» – терминология в данном случае связана с особенностями звучания данных терминов в русском языке). Здесь идет своя теоретическая дискуссия: требуется ли для развития фашизма хотя бы минимальный уровень развития капитализма (т.е. городского среднего класса, средств массовой коммуникации, мало-мальски функционирующей политической системы) или он может взрасти даже в условиях архаики и традиционализма? С другой стороны, фактом является то, что в обществах с высоким уровнем развития и модернизации, и политического либерализма (приводят примеры Канады, Англии) фашизм не получил импульсов для своего восхождения. Не мог бы он возникнуть и в слаборазвитых и отсталых обществах (Боливия или Гватемала). «А вот общества со слабым политическим либерализмом, но достаточно модернизированные в экономическом отношении имели бы широкие перспективы для его развития. Олицетворением последней модели могла бы стать, например, Бразилия»³⁴.

Обратимся теперь к идеологической специфике интегрализма. Будучи по своей направленности антиреволюционным движением, интегрализм стал тем феноменом политической и культурной истории Бразилии, который сформировался в контексте развернувшихся в 1930-е гг. дебатов о будущем страны³⁵. И здесь важно отметить те «чисто бразильские» идеологические обстоятельства, которые придали интегрализму *местный колорит*. Прежде всего это восхождение *бразильского национализма*, начавшееся еще в 1910-е гг. Т.н. «новый национализм» говорил о «защите и почитании национальных интересов», о «бразильской культуре», об «ощущении бразильской идентичности». В борьбе и столкновениях мнений появились попытки определить «личность, способную выразить интересы всей нации». Данная идея обсуждалась многочисленными интеллектуалами, политиками и журналистами; она

³³ Там же. С. 230.

³⁴ Бертона Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке... С. 218-219.

³⁵ Фрейтас М.С. ди. С. 228.

означала осознание необходимости поиска национализма такого типа, который способствовал бы «возрождению страны», раскрытию ее экономического потенциала и приданию значимости так называемым «подлинным ценностям бразильской идентичности»³⁶.

«Возродить страну» для многих означало «организовать нацию». А для этого представлялось необходимым отстаивать идеи авторитаризма. Были весьма популярны представления о воспитательной роли армии (а точнее – обязательной военной службы) в деле формирования граждан, о необходимости подавлять борьбу трудящихся за повышение зарплаты, удерживать их от выхода на улицы³⁷.

Другая идеологическая составляющая интегрализма связана со столь сложным и многоплановым политическим и культурным движением, каким в 1920-е гг. был модернизм. В Бразилии он означал весьма насыщенное направление культурного и эстетического обновления. Многие интеллектуалы провозглашали для Бразилии «новую модерность». Они заявляли о том, что литература, живопись, поэзия, музыка нуждаются в новых формах, стремились положить конец заимствованиям в искусстве и в любых культурных проявлениях. Такими заимствованиями считались иностранные модели, литературные теории, стили, копировавшие образцы европейской эстетики³⁸. Самым крупным явлением в этой области стала состоявшаяся в 1922 г. в Сан-Паулу Неделя современного искусства. Даже будучи весьма космополитичным, это мероприятие несло в себе мощный националистический заряд, потому что протест против иностранных заимствований и свойственного прошлому художественного творчества сочетался с отстаиванием новых и достаточно смелых форм развития национальной культуры. В 1930-е гг. ряд модернистов примкнул к интегралистам. Они выступали за модернизм, обладавший преувеличенно патриотическими чертами, что и подтолкнуло их к использованию такой типично национальной символики, как желто-зеленые цвета бразильского флага и образ тапира – типичного представителя бра-

³⁶ Там же. С. 231.

³⁷ Там же. С. 231.

³⁸ Там же. С. 231.

зильской фауны³⁹. Главный лидер интегралистов – Плиниу Салгаду – вышел именно из этой группы.

В своем националистическом дискурсе БИД использовал образ «автохтонной бразильской культуры», который подчас служил для обоснования тезиса о «автохтонной бразильской расе». Идея «автохтонности» возвеличивала различные черты индейской культуры, обитателей сертанов, людей, живущих в глубинке страны⁴⁰.

Помимо БИД, на политической арене действовали и другие силы: радикально настроенные военные – «тенентисты», многие идеи которых были близки европейскому либерализму (критика разрыва между государством и народом, борьба против олигархии), коммунисты, сделавшие свою партию (основанную в 1922 г. Компартию Бразилии – КПБ, которая впоследствии стала называться Бразильской компартией – БКП) моделью революционной организации. Все это стало поводом к тому, чтобы в 1930-е гг. интегралисты заявили о себе как о силе, необходимой в деле борьбы с так называемыми «внутренними и внешними врагами» Бразилии⁴¹.

Создание БИД положило начало одному из наиболее крупных массовых движений первой половины XX в. в Бразилии (более 1 млн. чел. в 1932 г.). БИД имел большую поддержку в обществе, он расширялся, интегралистские организации возникали во многих городах в глубинке штатов Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Гуанабара, Минас-Жерайс, Эспириту-Санту, Паранá, Санта-Катарина, Риу-Гранди-ду-Сул, Параиба, Сеарá, Алагоас, Баия, Мату-Гроссу и Мараньян. Через три года после появления Манифеста, провозгласившего создание БИД, интегралистское движение стало реальностью политической жизни Бразилии (в августе 1935 г. оно имело представительство в лице одного депутата парламента и четырех депутатов законодательных собраний штатов, в более чем пятистах муниципий действовали более 1100 его отделений, число официальных членов БИД составляло 400 тыс. чел.). В разных регионах страны тысячи человек участвовали в манифестациях и военных парадах, вскидывая руку в нацистском приветствии; немалой была и роль молодежи и женщин. В 1937 г. БИД основал газе-

³⁹ Там же. С. 231.

⁴⁰ Там же. С. 236.

⁴¹ Там же. С. 232.

ту «Атака» («A Offensiva»)⁴², целью которой стало распространение интегралистских идей⁴³. Бразильской же спецификой стала форма зеленого цвета с черным галстуком и нашивка символа БИД – греческая буква сигма, обозначающая сумму или соединение, при приветствии интегралисты выкрикивали «Апауê» – слово из словаря индейцев тупи⁴⁴.

Фашистские устремления БИД выявляла и его структура: построение на основе строгой иерархии, фактически вариант «интегрального государства» в миниатюре. БИД полагал, что нация, организованная в форме военного ополчения (милиции), может развиваться на базе единой и единственной властной модели, которая в свою очередь, зиждилась бы на едином Интегральном Государстве. Интегралисты заявляли: «Мы намерены создать верховную власть Нации. <...> Создать, в едином лице, Экономическое Государство, Финансовое Государство, Представительное Государство и Культурное Государство». Понятия государства и нации были для них чем-то единым: именно государство способно установить новый социальный строй, устранить угрозы обществу и предписать единую для всех мораль. Под контролем государства должна была произойти и «интегральная революция». Единство интересов нации, с одной стороны, и деятельности государства – с другой, должно было осуществляться единственной партией – Интегралистским Действием. Во главе же БИД должен находиться «вождь нации», который рассматривался как постоянный и несменяемый. В силу влияния, которое эта фигура должна была оказывать на всю организацию, члены БИД должны были взять на себя ответственность по созданию перманентного культа личности вождя⁴⁵.

На вершине властной пирамиды должен был находиться Вождь, затем следовал Интегралистский Национальный совет, а ниже – Интегралистские Национальные департаменты. В распоряжении Вождя должны были быть Гражданская и Военная канцеля-

⁴² Подобное название было отнюдь не случайным: оно было дано по аналогии с названием газеты германских нацистов «Der Angriff» (нем. *атака, наступление*). См. об этом: Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. – М., 1975. – С. 100.

⁴³ Фрейтас М.С. ди. С. 238.

⁴⁴ Там же. С. 234-236, 238.

⁴⁵ Там же. С. 235-236.

рии. Национальный совет – не более чем консультативный орган, а органами, реально ответственными за распространение интегралистских идей в обществе, должны были стать Национальные департаменты, которые имели бы следующие подразделения: политическое, идеологическое, пропагандистское, культурное, по вопросам военного ополчения и финансовое⁴⁶.

Интересно, что, как показывает Фрейтас, «интегралистский» национализм был противником мирового капитализма, но не отвергал его внутри страны. Интегралисты критиковали экспансию индустриальных капиталистических держав и одновременно выступали в защиту такой модели капитализма, которая развивалась бы под контролем интегралистского проекта социальной организации⁴⁷.

Интегралисты были непримиримыми противниками либерализма, считая его не только откровенно материалистическим, но призывавшим к индивидуализму, осознанию своей принадлежности к элите, к «миру без Бога, без солидарности, миру, основанному на недуховных ценностях и на борьбе классов», и к самому большому злу – к революции⁴⁸.

Интегралисты, были, естественно, антикоммунистами, но их антикоммунизм имел отличительную черту: они не понимали, что коммунистическое движение находилось в оппозиции к либерализму, и полагали, что коммунизм «вытекает» из либерализма⁴⁹.

Какое же «противоядие» интегралисты предлагали бразильскому обществу ради предотвращения подобных опасностей? Это прежде всего пропагандировавшаяся Салгаду идея «семейно-корпоративного государства», способного уберечь страну от зла, идущего из-за границы (себя же он видел в образе «великого вождя» – а от него недалеко и до образа «великого отца»)⁵⁰. За корпоративное государство на базе профсоюзов (синдикатов), выступал и другой теоретик интегрализма – юрист Мигел Реали. По его мысли, нация должна была представлять собой федерацию синдикатов, а люди, принадлежавшие к одной профессии, должны были

⁴⁶ Там же. С. 235.

⁴⁷ Там же. С. 236.

⁴⁸ Там же. С. 236.

⁴⁹ Там же. С. 236.

⁵⁰ Там же. С. 236-237.

образовать профсоюз (пекари с пекарями, инженеры с инженерами и т.п.); интегралистское правительство давало бы разрешение на деятельность каждой профсоюзной организации, избиравшей бы своего представителя в Муниципальный совет, который, в свою очередь, организовывал бы не прямые выборы главы муниципального правительства (мэра). БИД разделил всю Бразилию на провинции. Каждая из них создавала бы объединение из нескольких городов, которые посылали бы представителей своих профессиональных корпораций в «Федерации Профсоюзов». Каждая профсоюзная федерация, в свою очередь, направляла бы собственного представителя в Совет Провинции, который избирал бы Губернатора Провинции. Корпорации должны были в целом соответствовать «Федерациям Профсоюзов» и в итоге образовывать Корпоративное государство⁵¹.

Причина поддержки интегрализма в самых разных регионах Бразилии коренилась в симпатиях части населения по отношению к таким идеологиям, как антикоммунизм, европейский фашизм, национализм, антилиберализм, авторитаризм. Одобрив интегрализм, общество все более и более соглашалось с необходимостью подчиниться авторитарному государству. Как представляется, Фрейтас совершенно правильно вписывает популярность этих идей в общий контекст 1930-х годов.

Процесс, приведший к власти в 1930 г. Ж. Варгаса, имел своим результатом диктатуру – т.н. «Новое государство», установленное после ноября 1937 г. «Дружба» же Варгаса с интегрализмом продолжалась с 1932 по 1937 гг. Это был период наивысшего расцвета тех, кто искал в фашизме вдохновение для осмысления бразильских проблем. В феврале 1936 г. БИД принял решение участвовать в приближавшихся выборах и начал продвигать кандидатуру Салгаду как претендента на пост президента страны. Выборы должны были пройти в 1938 г., а уже в 1937 г. на президентский пост был выдвинут ряд кандидатур, среди которых был и Салгаду. Но эти выборы не состоялись. Уже начиная с сентября 1937 г. Варгас обсуждал со своим военным министром Эурику Гаспаром Дутрой вопрос о государственном перевороте. Вместе с тем было необходимо иметь какой-то предлог, чтобы продолжать держать страну в режиме военного положения. И здесь-то свои услуги

⁵¹ Там же. С. 237.

предложил интегрализм. В начале ноября 1937 г. интегралисты провели парад в присутствии Варгаса, который уже имел достаточно четкий план переворота. 10 ноября 1937 г. было провозглашено «Новое государство». Интегралисты поддержали переворот. Хотя Варгас все больше дистанцировался от интегрализма, вплоть до издания декрета о роспуске БИД 3 декабря 1937 г., интегралисты возлагали большие ожидания на активное участие Салгаду в иерархии диктаторского режима в качестве министра образования⁵².

Однако после неудачной попытки «интегралистской революции» в 1938 г. (активисты БИД попытались взять штурмом резиденцию правительства – Дворец Гуанабара) интегралисты, как пишет Фрейтас, утратили прежнее единство и в поиске собственного пути стали действовать каждый сам по себе; Салгаду же в 1939 г. отправился в изгнание в Португалию. Так закончился самый значительный из имевшихся опыт по адаптации Бразилии к фашистскому мировосприятию⁵³.

Вернемся к поставленному выше вопросу о том, был ли фашистским режим Варгаса. По этому вопросу в мировой историографии идут острые споры. Есть мнения, что раз он опирался на фашистскую (профашистскую, фашизировавшуюся, протофашистскую) партию БИД, использовал ее идеологию, некоторые политические методы, то он и сам был фашистским. Однако оба цитируемых нами бразильских автора утверждают, что взаимосвязь здесь гораздо сложнее и тоньше. Выше мы уже говорили о позиции Бертоуни, отрицающего «фашистский» характер жетулистского режима. С ним солидарен и Фрейтас, утверждающий: да, «фашистские практики в политической культуре, определявшей курс государственной политики», были, но «если рассматривать правление Варгаса комплексно, то мы увидим, что оно отнюдь не было фашистским»⁵⁴.

Фрейтас настаивает: Варгас не реализовывал политическую программу крайне правых сил. Вместе с тем его правление было противоречиво: оно гарантировало некоторые права трудящимся, но одновременно, стремясь противостоять вовлечению рабочих масс в

⁵² Там же. С. 238-239.

⁵³ Там же. С. 239.

⁵⁴ Там же. С. 228.

политические партии социалистической направленности, использовали типично фашистские методы. Посредством разработанного им рабочего законодательства, которое во многом меняло форму взаимоотношений между хозяевами предприятий и наемными трудящимися, Варгас напрямую обращался к самым бедным слоям населения. В то же время он укреплял силовой режим, поощрявший реализацию такой модели модернизации, которая сумела бы избежать «угроз от утращения в современный мир», в трактовке фашистских идеологов⁵⁵.

В политических лозунгах интегралистского движения речь не шла о «расширении жизненного пространства», проявлялась известная расовая толерантность (симпатии к индейцам)⁵⁶, не была столь ярко выражена идея преследования цыган, гомосексуалистов, лиц с физическими отклонениями (хотя антисемитизм присутствовал: в эпоху Варгаса сторонники бразильского фашизма поддерживали гонения на евреев)⁵⁷.

Таким образом, мы видим, насколько тонка и подчас призрачна грань, отделявшая (в Бразилии 1930-х годов) «фашизм» от «нефашизма».

Бразильский вариант сложен, неоднозначен, но в конечном счете – понятен. В его лабиринтах можно провести «тонкую грань» между фашизмом и не-фашизмом, можно обсуждать, до какой степени фашистским был характер интегрализма и самого Варгаса и т.д. Но в последнее время появились новые работы, с совершенно неожиданных позиций трактующие случай такой, казалось бы, «спокойной» в этом отношении страны, как... Мексика. В свете этих трактовок «случай Мексики» представляется абсолютно уникальным (и во многом парадоксальным). И эти новые интерпретации заставляют задуматься (переосмыслить?) мексиканский опыт развития в XX в., а также вновь, в который раз, обратиться к феномену фашизма и задаться вопросом теперь уже не только о «тонкой грани», но и о правомерности (или, напротив, недопустимости) его расширительных трактовок.

⁵⁵ Там же. С. 228.

⁵⁶ См.: Соловьев Н.М. Бразильский опыт авторитарного развития в 1930-е годы // <http://mgimo.ru/science/essays/>

⁵⁷ Фрейтас М.С. ди. С. 229.

Парадоксальный случай Мексики: неужели и там фашизм?
Мнение мексиканского историка и размышления вокруг самого
феномена...

Поводом к нашим размышлениям о «мексиканском случае» послужила статья еще одного автора нашего проекта – мексиканского историка Франко Саварино⁵⁸.

Можно согласиться с автором, что «Мексика (возможно, наряду с Бразилией) представляет собой репрезентативный случай распространения фашизма за пределами Европы, и, конечно же, являет собой пример абсолютной особенности фашизма даже по сравнению с другими его латиноамериканскими образцами»⁵⁹. Вот на этой «особости» мы и остановимся.

Давая свое понимание сущности фашизма как глобального феномена, Саварино подчеркивает, что он «повсюду был призван дать ответ на один и тот же вызов: добиться консолидации нации и модернизации страны, предоставить пространство для развития и обретения собственного голоса нарождавшемуся среднему классу в союзе с сильным государством, призванным осуществить социальные реформы, и поставить заслон на пути продвижения коммунизма, одновременно сформулировав экономическую альтернативу либеральному капитализму, которая мыслилась им в виде государственного интервенционизма и корпоративизма»; «фашизм был ответом на кризис либерализма XIX в. и на вызовы модернизации». Но главной чертой этого «глобального фашизма» он считает следующее: «*фашизм в своих основных чертах по существу явился «возрожденческой формой» некоего комбинированного симбиоза социализма и национализма, но симбиоза, обладавшего многими вариациями как в различных странах, так и подчас внутри одной и той же страны*» (курсив наш. – Л.О.).

Давая характеристику латиноамериканским воплощениям фашизма, Саварино говорит о «возможных наложениях друг на друга

⁵⁸ Саварино Ф. Фашизм в Мексике: ускользающее присутствие // Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. – Березиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016, №4(31), с. 235-245.

⁵⁹ Там же. С. 236.

фашизма и других режимов, ...речь всегда идёт об эклектичной комбинации социализма и национализма», при этом он делает важное методологическое замечание, которое имеет прямое отношение к его анализу мексиканского случая: «национал-социализм» не есть синоним фашизма; «если фашизм был национал-социализмом, то не все виды национального социализма носили фашистский характер. То же можно сказать и о “популизме”, который не является синонимом ни национал-социализма, ни фашизма». Кроме того, Саварино основывает свой анализ на теоретических работах по фашизму Р. Гриффина, С. Пейна, З. Стернхелла, Р. Итвела, Дж. Грегора и др., которые говорили о «модернистской культурной революции фашизма» и о том, что его нельзя отнести к чисто правым движениям, т.к. он «соединяет в себе разнородные элементы всего политического спектра, со всей очевидностью включая в этот синтез черты *социализма, революционности и модерности*» (курсив наш. – Л.О.): «Неверно приписывать фашизм просто к “правым”. Следует понимать, что он является *одним из направлений революционной модерности, которая стремится выковать облик нового человека и новый тип общества, а не реставрировать идеализированное прошлое или законсервировать настоящее*» (курсив наш. – Л.О.).

Именно эти моменты являются для Саварино ключевыми для понимания им сущности феномена «фашизма в Мексике» (если вообще можно говорить о таковом). Он специально оговаривает эту сложность: «В Мексике мы сталкиваемся с целым спектром условий, которые могли бы как способствовать развитию фашистского движения, так и стать факторами его сдерживания». Он призывает к *осторожности* в отношении «мексиканского фашизма»: «Следует отличать фашистское *влияние от тенденции развития* в направлении фашизма. В случае Мексики можно признать связанную с той эпохой, “зарождающуюся” тенденцию развития в данном направлении». Более того, он назвал свою статью «Фашизм в Мексике: *ускользающее присутствие*» (курсив наш. – Л.О.), подчеркивая тем самым, что речь не идет о Мексике как о «фашистской стране», что присутствие фашизма там было скрытым, латентным, неявным, подчас *неуловимым* и действительно *ускользающим*. Он согласен с британским исследователем А.Найтом, что на примере Мексики надо исследовать не «сходство с итальянским фашизмом или германским национал-социализмом», не поддержку стран Оси или антисемитизм (эти черты, как пишет Найт, и с ним согласен Са-

варино, не обязательно являются неотъемлемыми компонентами фашизма), а «*другие черты фашизма*: его идеологические установки, способы действия, источники социальной поддержки и социально-исторические функции» (курсив наш. – Л.О.)⁶⁰. Подобная оптика переворачивает всю «наработанную» и, казалось бы, устоявшуюся традицию подхода к вычленению «фашизма».

Саварино вслед за Найтом считает, что основанием для создания благоприятных условий для фашизма в Мексике было «вторжение масс в политику» на гребне революции. Он трактует мексиканскую революцию 1910-1917 гг. как аналог Первой мировой войны. Если бразильский историк Ф.Бертонья говорит о том, что присутствие ветеранов Первой мировой войны как важная часть массовой базы европейского фашизма было чертой именно *европейского* фашизма, *отсутствовавшей* в Латинской Америке, то Саварино и Найт, напротив, считают, что мексиканская революция явилась аналогом мирового конфликта именно в том плане, что она «приучила целое поколение к использованию насилия, к преклонению перед харизматическими лидерами и к восхвалению национализма»⁶¹.

В центре анализа Саварино – т.н. «постреволюционное государство» в Мексике, т.е., на языке мексиканских историков, – государство, сформировавшееся после революции 1910-1917 гг. Почему здесь с такой силой звучат понятия «национализм», «социализм», «революционность», но также и – «авторитаризм», «популизм», «харизматический лидер», от которых «рукой подать» до фашизма?

Для того чтобы разобраться в этих сложных и крайне противоречивых вопросах, обратимся для начала к традиционным, устоявшимся и в мексиканской, и в отечественной историографии трактовкам мексиканской истории первой трети XX в.

Мексиканская революция 1910-1917 гг. стала уникальным явлением мировой истории: принятая по ее окончании Конституция 1917 г. *не завершила* собой, как это «принято» в революциях, драматическую борьбу за основные поставленные самой мексиканской историей цели (аграрная реформа с наделением крестьян землей; право государства на верховную собственность на националь-

⁶⁰ Там же. С. 236.

⁶¹ Там же. С. 236.

ную территорию, ее недра и природные ресурсы, предполагавшее национализацию собственности иностранного капитала; широкое рабочее законодательство, устанавливавшее 8-часовой рабочий день, отпуск, минимальную зарплату, право на забастовки и на создание профсоюзов; отделение церкви от государства, лишение ее собственности и права участвовать в политической жизни, влиять на народное образование), а лишь стала программой, которую *еще только следовало выполнить*. Именно поэтому последовавший за окончанием революции период был назван *постреволюционным*: именно *будущим* правительствам предстояло реализовать на практике «завещанные» конституцией статьи. И также не случайно постреволюционный период получил название «*непрерывной* (или перманентной, продолжающейся) революции», которая «длилась» с 1910 г. (начало революции) по 1940 г. (окончание президентства Л.Карденаса). В ходе этого длительного процесса должны были – с большей или меньшей интенсивностью – реализоваться провозглашенные конституцией ключевые реформы.

В 1920-е годы в Мексике один за другим сменяли друг друга правительства, возглавлявшиеся генералами, вождями революции – В.Каррансой, А.Обрегеном, П.Э.Кальесом (и в силу этого получившие название «режим революционного каудильизма»; в основном это определение относится к правлениям Обрегона и Кальеса). В основе данного режима лежала концепция надклассового единства нации во имя продолжения революции; «революционные каудильо» использовали политику бонапартизма, лавируя между разными слоями населения и играя на их противоречиях. Режим «революционного каудильизма» зиждился на сильной президентской власти и был призван осуществить реформы в обстановке политической стабильности.

Кратко рассмотрим, как этот режим реализовывал реформы, утвержденные в статьях Конституции.

Правительство Обрегона приступило к осуществлению обещанной конституцией 1917 г. аграрной реформы, хотя и в недостаточном для страны объеме, рабочим была повышена зарплата, принимались меры по выполнению положений конституции о 8-часовом рабочем дне, признании профсоюзов, о коллективных трудовых договорах, о компенсации за производственные травмы. Гибкая реформистская политика и умелая пропаганда позволили режиму укрепить свою социальную базу.

Во время президентства преемника Обрегона, генерала Кальеса (1924-1928 гг.), режим укрепился. Апеллируя к тезису о «продолжающейся революции», правительство Кальеса заявило, что целью ее нового, «конструктивного» этапа станет строительство развитой экономики и общества социальной справедливости на основе сотрудничества рабочих, крестьян и национальных предпринимателей. По сути это была реформистская программа с революционными лозунгами. Правительство использовало рычаги государственного регулирования экономики с целью ускорить ее развитие и поддержать национальный капитал. Среди крестьян было распределено земли в три с лишним раза больше, чем в предыдущие годы. Главной целью аграрной политики правительства являлось создание социальной прослойки зажиточного крестьянства и ускорение капиталистического развития деревни. Но массы сельского населения так и не получили доступа к земле. В рабочей политике имели место реальные уступки трудящимся. Были ограничены позиции иностранного капитала, прежде всего в нефтяной промышленности, что вызвало конфликт мексиканского правительства с компаниями и правительством США. Кальес широко использовал антиимпериалистические лозунги, осуждал интервенционистскую политику США в Центральной Америке, однако существенно затронуть позиции иностранного капитала он не решился. Стремясь отвлечь население от нерешенных проблем и укрепить революционный престиж правительства, Кальес начал гонения на католическую церковь, конфликт с которой в 1926-1927 гг. перерос в вооруженную борьбу.

Экономический кризис способствовал обострению социальных противоречий и дальнейшему нарушению баланса сил, составлявших опору режима «революционного каудильизма». Коррупцированная группировка Кальеса все более тяготела вслед за крупной буржуазией к сотрудничеству с латифундистами и иностранным капиталом. Широкие слои населения были недовольны политикой режима и все настойчивее требовали радикальных преобразований. Кальесу и его сторонникам все труднее было сохранять свое влияние. После истечения срока президентских полномочий он сохранил положение «верховного вождя революции» и контроль над часто менявшимися правительствами. С целью предупредить распад режима «революционного каудильизма» он выступил инициатором создания в 1929 г. неоднородной по составу Национально-

революционной партии (НРП). В нее вошли большинство буржуазных политических группировок, военные, мелкобуржуазные течения, крестьянские организации, часть рабочих. Вскоре в рядах партии усилилось левое крыло, представитель которого генерал Л.Карденас, участник революции, включивший в свою избирательную программу обещания решить в пользу крестьян аграрный вопрос, принять меры против иностранных монополий, улучшить положение рабочих, был выдвинут кандидатом в президенты и победил на выборах 1934 г., став президентом на шестилетний срок⁶².

Годы правления Карденаса (1934-1940 гг.) как раз и явились апофеозом реализации заложенных в конституции статей. Реформы Карденаса рассматривались в Мексике как конструктивное, идущее мирным путем продолжение революционных преобразований, начатых после принятия Конституции 1917 г.⁶³ В области социальной политики была установлена 40-часовая рабочая неделя, существенно увеличена зарплата, принята система коллективных договоров, узаконены кооперативы на месте тех предприятий, хозяева которых не шли на уступки. В 1936 г. был создан единый национальный профцентр — Конфедерация трудящихся Мексики. Был решен аграрный вопрос: земли местных латифундистов и иностранных компаний были экспроприированы и укреплены крестьянские общины эхидо (кооперативные и парцеллированные хозяйства), хотя имела место и раздача земли в индивидуальное пользование; все это нанесло сильный удар по латифундизму. Борьба с иностранным капиталом воплотилась в революционных по своему значению национализации в 1937 г. железных дорог, а в 1938 г. — нефти. Росло число школ, было введено бесплатное начальное образование, создан Рабочий университет. Была укреплена роль государства, а на основе НРП была создана новая массовая Партия мексиканской революции (ПМР), в которую вошли Конфедерация трудящихся Мексики (КТМ), Национальная крестьянская конфедерация (НКК) и др. и которая к 1940 г. насчитывала до 4 млн чел.⁶⁴

⁶² Строганов А.И. Указ. соч. С. 75-76,101.

⁶³ Окунева Л.С. Двухсотлетие начала Войны за независимость и столетие Революции 1910 г. в Мексике // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 48.

⁶⁴ Строганов А.И. Указ. соч. С. 102-105.

Как трактовался данный период в традиционной мексиканской и отечественной историографии? В академической историографии Мексики наличие «про-» либо «прото-» фашистских тенденций отрицалось либо не упоминалось. Что же касается отечественных авторов, то если одни рассматривали «карденизм» как «обычный» (быть может, лишь чуть более радикальный) вариант латиноамериканского национал-реформизма (И.К. Шереметьев, Е.Г. Лапшев)⁶⁵, то другие, отталкиваясь, от таких его черт, как создание возможностей для проведения глубоких антиимпериалистических, антиолигархических реформ, стремление к удовлетворению требований народа, ярко выраженная социальность, стремление вовлечь массы в трансформационную политику, заявления о «социализме» (впрочем, под социализмом Карденас понимал, конечно, не его «советскую модель», а стремление к равенству и социальной справедливости), поощрение левого модернистского искусства мурализма, поддержка испанских республиканцев, видели в нем воплощение *революционно-демократического* (и даже в перспективе *социалистического*) эксперимента (А.Ф. Шульговский, А.И. Строганов)⁶⁶. Следует подчеркнуть, что подобный исследовательский ракурс ученых, стремившихся «подтянуть» Карденаса к «социализму», складывался, по словам известного российского историка-латиноамериканиста А.А.Щелчкова, под несомненным влиянием установок VII Конгресса Коминтерна в отношении национал-реформизма, когда большое внимание уделялось революционным, революционно-демократическим, даже социалистическим течениям в его лоне и замалчивались проявлявшиеся уже тогда корпоративистские, авторитаристские, основанные на харизматическом политическом лидерстве тенденции, напрямую ведущие к фашизму.

А Саварино как раз и делает акцент именно на *этих* чертах. О влиянии фашизма, в представлении Саварино, свидетельствуют и НРП со своей разнородной социальной базой, ставшая «институциональным выражением всей мексиканской Революции» (эту партию он идентифицирует напрямую с Национальной фашистской партией Италии), «и корпоративная структура государства, и характер эко-

⁶⁵ Мексика: капитализм и общество. М., 1990. С. 43, 51-55.

⁶⁶ Шульговский А.Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967; Строганов А.И. Указ. соч. С. 102-105.

номической политики в годы Великой депрессии»⁶⁷. Именно период «революционного каудильизма» в лице Обрегона и Кальеса, когда необходимо было решить такие задачи, как «объединение разноликих и раздробленных революционных сил» в рамках единой НРП, «обеспечение верховного лидерства Революции, формирование государства, которое могло бы сыграть более активную роль в социальной сфере, в проведении экономической политики, в определении национальной идентичности и в защите страны от иностранного империализма», и стал временем, считает Саварино, когда правящие круги Мексики обратились к поиску за рубежом «полезных механизмов», необходимых для воплощения вышеназванных целей. (Это были именно механизмы, а не «внешние модели», т.к. мексиканская парадигма была, как пишет Саварино, в высшей степени своеобразной, развивавшейся по собственным лекалам и не нуждавшейся в примитивных «заимствованиях»). Саварино считает, что такие механизмы мексиканцы усмотрели в итальянском фашизме⁶⁸.

Черты фашизма Саварино видит и в кальесовском режиме «максимата», который, на его взгляд, напоминал муссолиниевскую модель; единственное отличие он усмотрел в том, что Кальес, хотя и провозгласил себя «верховным вождем», не мог «тягаться» с Муссолини по степени харизматичности своей личности⁶⁹.

Харизматическим же лидером был именно Карденас. И вот здесь кроется главная интеллектуально-историческая «бомба». Саварино, конечно, не называет Карденаса «фашистом», но говорит о «склонности к фашизму» мексиканских политиков, интеллектуалов и среднего класса, о «притягательности» для них фашизма, о том, что «мексиканское правительство скрытно, но активно собирало и накапливало информацию о фашизме», а Кальес и Карденас «открыто продвигались в направлении фашистской модели» (курсив наш. – Л.О.)⁷⁰. «Тот вес, которым обладали фашиствующие элементы на протяжении постреволюционного периода, проявился в повороте вправо самого Карденаса начиная с 1938 г.»⁷¹.

⁶⁷ Ф.Саварино. Указ. соч. С. 237.

⁶⁸ Там же. С. 237.

⁶⁹ Там же. С. 237.

⁷⁰ Там же. С. 240.

⁷¹ Там же. С. 238.

В чем же Саварино усматривается «склонность» Карденаса (в частности) к фашизму? «...тяготение, или склонность, к фашизму ...реализовывались в Мексике в сильном государстве, радикальном национализме, антиамериканизме, корпоративизме (который Мексика взяла на вооружение сама, но при этом с оглядкой на Италию), единственной партии, в авторитарном правлении Обрегона, Кальеса и Карденаса, в поддержке государством авангарда в культуре, в продвижении им в искусстве, архитектуре и литературе модернистских течений и в склонности к евгенике и расизму, выражавшимся в идеализации “мексиканской расы” и в неприятии иммигрантов из Азии»⁷².

Иными словами, в мексиканском «постреволюционном режиме» он находит такие черты фашизма, как «единственная партия, сильный лидер, корпоративизм, национализм»⁷³.

И далее: исходя из такой неотъемлемой характеристики фашизма, как опора режима на массы, стремление тотально вовлечь их в дело поддержки верховного вождя, формирование массовой партии, Саварино примеряет эти лекала на карденистскую Мексику и находит в них еще одно подтверждение наличия там «фашизма». И действительно, трудно отрицать такие черты карденизма, как радикальные реформы, сплотившие вокруг Карденаса широкие социальные слои, создание им в 1938 г. на основе НРП массовой (и контролируемой сверху) Партии мексиканской революции (ПМР), в которую вошли КТМ и НКФ, несомненный патернализм (и смыкавшийся с ним популизм) Карденаса как верховного лидера нации, «втягивавшего» в политику пассивные, зачастую необразованные массы и выступавшего как «поводырь», ведущий за собой «паству». Популизм и патернализм Карденаса не подлежат сомнению, но вопрос в другом: дает ли это основания причислить данного лидера и его режим к разряду «фашистских»? Не противоречит ли здесь Саварино сам себе – вспомним его же упомянутую выше абсолютно верную максиму о том, что популизм *может быть* чертой фашизма, но при этом не является в обязательном порядке его «синонимом». (Ведь сам же Саварино говорит о Карденасе: «его тяготение к «левому» популизму... отдаляло его от

⁷² Там же. С. 237-238.

⁷³ Там же. С. 239.

итальянского фашизма»⁷⁴).

Серьезные предпосылки для фашизма Саварино усматривает и в идеологическом состоянии мексиканского общества. Основываясь на «уникальности мексиканского опыта того времени для Латинской Америки», на том, что «Мексика в те времена была подлинной лабораторией, где проходили испытание весьма передовые для своей эпохи реформы в социальной области (эхидо), экономике (национализация железных дорог и нефти), политической сфере (социальное государство) и культуре (национализм в искусстве, образование, феминистское движение)», он трактует такие элементы мексиканской модели (не встречавшиеся ни в одной стране), как «революционный импульс модернистского искусства, мобилизация масс, объединительный радикальный национализм с его антиимпериалистической направленностью», а также «модернистско-революционные программы» в отдельных штатах⁷⁵, как почву для фашизма. Ведь это то, что питало идеологию мексиканских интеллектуалов, которые «сближались с фашизмом через социализм» (курсив наш. – Л.О.).

Саварино пишет о «притягательности фашизма» для мексиканских интеллектуалов, о профашистских настроениях общественности Мексики⁷⁶. Фашизм, по мнению Саварино, был неотъемлемой частью тех европейских по своему происхождению представлений о модернизме, которые завораживали некоторые круги мексиканских интеллектуалов. В среде художественного авангарда «причудливо переплетались самые различные политические идеологии от фашизма до коммунизма»⁷⁷. Но особо он выделяет двух представителей мира интеллектуалов, «которые выделялись своим открытым сближением с фашизмом»: писатель и политик Хосе Васконселос и художник Херардо Мурильо (псевдоним «доктор Атл»). Отметим, что Васконселос – такая же идеализированная фигура советского мексикановедения, как и Карденас; вот аргументы Саварино: «фашизм Васконселоса был обусловлен его приверженностью культурному авангардизму, противостоявшему космополитичному и мате-

⁷⁴ Там же. С. 237.

⁷⁵ Там же. С. 238.

⁷⁶ Там же. С. 240.

⁷⁷ Там же. С. 239.

риалистичному миру англосаксов»⁷⁸. Если вначале он скептически отзывался о Муссолини, то вскоре демонстрировал восхищение «культурным проектом» итальянского фашизма, а в годы войны «превратился в активного сторонника держав “оси” и возглавил редколлегию журнала “У штурвала” (“Timón”) – влиятельного прогерманского издания. Его решение поддержать Гитлера не должно удивлять. Еще в 1925 г., в своем самом известном произведении “Космическая раса” он уже обращался к расовой тематике и перспективам создания нового сверхчеловека. Этот подход идейно подготовили его к тому, чтобы впоследствии заговорить в унисон с германскими национал-социалистами. Идеализированный Васконселосом метис, “наделенный высшими качествами” и “призванный господствовать над другими”, был в какой-то степени латиноамериканским эквивалентом «арийца», воспетого Альфредом Розенбергом. Ко всему прочему, Васконселос верил, что могущественная Германия поможет Латинской Америке нанести решающий удар по “англосаксонским палачам”»⁷⁹.

Фашистские тенденции Саварино видит и в мексиканских регионах. Он пишет: «Наиболее очевидные проявления тяготения к фашизму можно было обнаружить, главным образом, в приграничных зонах страны – на севере и в районе Мексиканского залива. Губернатор штата Сонора Родольфо Элиас Кальес (1931-1935 гг.), старший сын генерала Плутарко Элиаса Кальеса, в тридцатые годы проводил в жизнь программу евгеники с целью «отмывания» государства от китайских иммигрантов и «сохранения чистоты мексиканской расы». ...Преследования китайцев в рамках расистской риторики напоминали ситуацию в Германии после прихода к власти гитлеровского национал-социализма. Губернатор штата Табаско Томас Гарридо Канабаль (1923-1926 гг. и 1930-1934 гг.) в еще большей степени приблизился к фашистскому формату, создав отряды “красных рубашек” (имитировавших итальянские “черные рубашки”) и выдвинув программу, заостренную на национализме и антиклерикализме, ...а после своего назначения в 1934 г. министром сельского хозяйства привел отряды “красных рубашек” в столицу. Ещё до этого склонность к фашистскому подходу проявилась в штате Юкатан в период правления там губернатора Фелипе Кари-

⁷⁸ Там же. С. 239.

⁷⁹ Там же. С. 239.

ль Пуэрто (1922-1923 гг.). Проводя социальные эксперименты и стремясь при этом усилить гордость жителей штата за свою историю и культуру, он всячески акцентировал внимание на великом наследии цивилизации майя. ...С его смертью закончился ранний этап сочетания социальных изысков и национализма, которое, не будучи фашистским, все же могло бы во многих своих аспектах развиться в нечто схожее с фашизмом. ...Даже при Карденасе оставалось заметным наличие губернаторов с «фашистскими чертами», таких как Роман Йокуписио из штата Сонора (1937-1939 гг.), которого иногда именовали «мексиканским Муссолини», – харизматического националиста антиамериканской и антисемитской направленности, располагавшего поддержкой антикоммунистического Национального союза ветеранов революции. На политической арене действовали также и другие влиятельные политические фигуры, со всей очевидностью дрейфовавшие в направлении к фашизму, – генералы Хоакин Амаро, Сатурнино Седильо и Хуан Эндрю Альмасан, возглавлявшие армию, большая часть которой открыто симпатизировала державам «оси»⁸⁰.

Саварино (вслед за Р.Гриффином) усматривает фашистские проявления и в «возрожденческих практиках». На основании того, что упомянутый выше губернатор Фелипе Карильо Пуэрто возвеличивал цивилизацию майя, Саварино считает, что «подобное использование древнего прошлого майя, поставленное на службу революционному возрождению, было идентично тому, как Муссолини в Италии воскрешал образ древнего Рима (такowymi были и воспоминания о великих каудильо прошлого: Начи Коком на Юкатане и Октавиана Августа в Италии)». Но не просматривается ли в подходе Саварино весьма расширительное толкование фашизма, основанное на трактовке Гриффина, который во главу угла ставил «миф национального возрождения», рассматривал фашизм как «возрожденческую форму ультранационализма», – в противовес другим исследователям, указывавшим на то, что воспевание героев прошлого, призыв к «возрождению нации» могут присутствовать и присутствуют и в других, далеких от фашизма, режимах? И здесь опять отсылаем к подходу самого же Саварино: подобно тому, как не всякий «национальный социализм» или популизм являются фашизмом, так и не всякое стремление прославлять героев прошлых веков идентично

⁸⁰ Там же. С. 238.

возрождению фашистских практик⁸¹.

Конечно, *влияние* фашизма в Мексике нельзя отрицать. Важным каналом проникновения фашистских идей были немецкая, итальянская и испанская диаспоры⁸². Имелись партии и группировки фашистской направленности, которые, впрочем, как пишет сам Саварино, с бóльшим основанием можно было бы причислить к правым или праворадикальным (Мексиканская фашистская партия, Конфедерация среднего класса, Мексиканская националистическая молодежь, Комитет в защиту расы, Мексиканское гражданское действие, Антисоветский фронт, Мексиканская социал-демократическая партия; особенно выделялось «Мексиканистское революционное действие», или «золотые рубашки»). Наряду с ними действовал и «скрыто фашистский» Национальный синархистский союз⁸³. Но эти группировки не были широко распространены; делать на основании их наличия выводы о «фашизме» было бы сильным преувеличением, т.к. подобного типа организации и группы действовали в 1930-е годы почти во всех странах Запада и Востока.

Проблема, поднятая Саварино, чрезвычайно сложна и неоднозначна, не имеет легкого и простого ответа – как не имеет такого ответа сам сложнейший, многофакторный и, как показывают статьи нашего проекта, во многом неизученный до конца феномен фашизма.

⁸¹ Приведу здесь то примечание, которое наша редколлегия предпослала статье другого нашего автора, рассматривавшего на примере «раннего нацизма» вопрос о «культе павшего воина» как важной составляющей фашистских идеоустановок. Редколлегия сочла необходимым подчеркнуть следующее: «...почитание, поминовение, увековечивание павших героев не является чертой именно фашистского мировосприятия – это общепринятый канон, характерный для идеологического воздействия на массы в самых разных странах: павший солдат с его жертвенностью, самопожертвованием стал во всех европейских странах (и особенно, как подчеркивает автор, во всех воюющих державах Первой мировой войны) своего рода иконой, принесшей домой «смысл войны». Но именно в фашистской идеологии и политических ритуалах фашистских режимов этот символ в политической культуре поклонения предкам выступил в качестве важнейшей основы формирования идеологии национализма – Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность, с. 140.

⁸² Ф.Саварино. Указ. соч. С. 242-243.

⁸³ Там же. С. 241-242.

В данном конкретном случае размышления приводят нас к мысли о том, *как* относиться к расширительной трактовке фашизма. Ведь перечисленные выше черты, рассматриваемые Саварино как *черты мексиканского фашизма*, можно найти и во многих других режимах, существенно отличавшихся от фашизма. Получается, что расширительная трактовка может стать своего рода «ловушкой», когда на основании формальных черт, свойственных разнородным политическим устройствам, выстраивается общая закономерность, и уже под нее подстраивают характеристику заданной политической системы.

Расширительная трактовка имеет и еще одну оборотную сторону. Не получается ли так, что то, что некоторые историки считают революционным демократизмом, Саварино расценивается как «черты фашизма»? А ведь выходит именно так. Рассматривая «фашистские форматы», «явно проявлявшиеся фашистские элементы на федеральном и региональном уровнях», в мексиканской «глубинке» – в штатах, он считает проводившиеся там «радикальные реформы, содержавшие в себе социалистические и националистические элементы», признаком «раннего этапа сочетания социализма и национализма, который, не будучи «фашистским», все же во многих своих аспектах мог бы развиваться в фашизм или нечто схожее». Он формулирует одну из главных своих оценок: еще в 1920-е гг. в Мексике наметилась *«ранняя стадия комбинации социализма и национализма, которая, не будучи «фашистской», все же продвигалась в направлении, во многих моментах походившем на фашизм»* (курсив наш. – Л.О.).

Конечно, на таком основании любой «прогрессивный», не говоря уже о социалистическом, режим может трактоваться как «фашистский». Размышления об этом – особая тема (впервые поставленная «ребром» в знаменитом романе В.Гроссмана «Жизнь и судьба»). Как представляется, вряд ли подобная трактовка (весьма популярная в современном зарубежном праворадикальном политическом спектре), при всем имеющемся сходстве отдельных элементов, может претендовать на историзм.

Тема, избранная Саварино, настолько неоднозначна, что подчас и он сам, даже в пределах собственной статьи, колеблется. Особенно это проявилось в Заключении. Задавая вопросом, «можно ли обнаружить в Мексике феномен фашизма?», он пишет: «Ответ на этот вопрос, несомненно, положительный», поскольку «в Мексике

фашизм имел место прежде всего в период постреволюционного государства, которое, находясь под явным европейским (особенно итальянским) влиянием, развивалось самостоятельно как авторитарный, корпоративный, националистический, модернизационный режим с опорой на “массы” (если выделить здесь черты, характерные для исследуемой эпохи и ставшие причиной возникновения различных видов европейского фашизма)». И тут же опровергает себя: «Конечно, этих элементов недостаточно для включения мексиканского политического эксперимента в разряд “фашистских”»⁸⁴.

И снова вполне обоснованное сомнение: «Гипотетическая «фашистская Мексика» не смогла бы возникнуть по разным причинам: это и относительно отсталая социально-экономическая структура с еще малочисленным средним классом и лишь зарождавшейся индустриализацией, и находившееся в зачаточном состоянии модерное государство, на которое давило традиционное общество в лице крестьянских общин»⁸⁵.

И, наконец, попытка «примирить» «фашизм» и «не-фашизм»: «Даже не будучи “фашистскими”, постреволюционные режимы Мексики фактически соответствовали многим достижениям фашистских режимов. Неудовлетворенность и опасения среднего класса по поводу возможного дрейфа государства в направлении “коммунизма” не были достаточными условиями для формирования открыто фашистской альтернативы, они лишь послужили сдерживающим началом, корректировкой того радикального пути к “левизне”, который предпринял Карденас в интересах рабочих и крестьянских масс»⁸⁶.

Цель данной статьи – познакомить отечественных латиноамериканистов с новыми зарубежными исследованиями, новыми курсами и точками зрения по вопросам, либо вообще не исследовавшимся в нашей латиноамериканистике, либо изученным, но «застывшим» в 1960-х–1970-х годах. Мы видим, что споры в историографии и политологии по этим вопросам далеко не закончены. И это в очередной раз говорит о важности предпринятой публикации, позволяющей ознакомить читателей с дискуссиями в зару-

⁸⁴ Там же. С. 243.

⁸⁵ Там же. С. 243.

⁸⁶ Там же. С. 243-244.

бежной политологии и состоянием современной политической и исторической науки в вопросах изучения фашизма.

Библиография

Введение // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть I. Ред.кол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – №4 (23).

Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке: сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 209-226.

Бертонья Ж.Ф. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. (Редкол.: А.А. Галкин (отв. ред.), А.А. Богдашкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др.) / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 242-255.

Богдашкин А.А. Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть I. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – №4 (23). – С. 41-69.

Галкин А.А. Фашизм как общественный недуг // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть I. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – №4 (23). – С. 11-21.

Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М. – 1975.

Мексика: капитализм и общество. М. – 1990.

Окунева Л.С. Двухсотлетие начала Войны за независимость и столетие Революции 1910 г. в Мексике // Новая и новейшая исто-

- рия. – 2011. – № 1. – С. 42-51.
- Окунева Л.С.* Об одной давней, но столь актуально звучащей сегодня дискуссии (к 40-летию дискуссии «К проблеме современных правоавторитарных режимов» на страницах журнала «Латинская Америка») // Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. – Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016. – №4(31). – С. 41-71.
- Саварино Ф.* Фашизм в Мексике: ускользящее присутствие // Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. – Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016. – №4(31). – С. 235-245.
- Фрейтас М.С. ди.* Правая рука ребенка и тело нации: идеи евгеники и фашистская культура в Бразилии (1932-1938 гг.) // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 227-241.
- Строганов А.И.* Новейшая история стран Латинской Америки. М. – 2008.
- Строганова Е.Д.* Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. (Редкол.: А.А. Галкин (отв. ред.), А.А. Богдашкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др.) / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 284-298.
- Шульговский А.Ф.* Мексика на крутом повороте своей истории. М. – 1967.